

КИРИЛЛ ПРОСТЯКОВ

18+

ДРОЗД

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Кирилл Алексеевич Простяков

Дрозд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50286804

SelfPub; 2020

Аннотация

Том первый. Он потерял себя и остатки человечности. Пытаясь найти свет, дорога то и дело загоняет его в мрак. Среди бетонных джунглей, полных безысходности и тёмной ночи, он доживает последние дни в городе, который хочет убить его. По ошибке он встречается в конфликт, постепенно перерастающий в заговор. И когда на горизонте оказывается разгадка тайны, правда погубит, сделает только хуже. Даже тем, кто невиновен. Этот город не пожалеет никого. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА I. Слепота

«Жестокость, как всякое зло, не нуждается в мотивации; ей нужен лишь повод» – Джордж Элиот.

Коснувшись пальцами в темноте выключателя, голубой свет в ванной тут же загорается, и я обессиленно открываю туда дверь. Суровая боль в голове не даёт никакого покоя, она вызывает внутри меня усталость и желание поскорее умереть. Я даже чувствую, как моё тело прямо сейчас падает на пол, словно мёртвое. Но я по-прежнему нахожусь у двери, которую только что открыл. Стоя в коридоре, я делаю шаг вперёд и оказываюсь перед зеркалом в ванной комнате. Старая лампа не выдаёт никакой яркости, она тусклая, и поэтому прежний голубой свет кажется заметно мрачнее. Я пытаюсь рассмотреть себя в этом тёмном зеркале. Понять того, кем теперь стал. Но даже не успев полностью увидеть все те синяки и свежую кровь на своём лице, мне хочется лишь поскорее отвернуться от самого себя. Я оказался замкнут, утопая в собственном отражении. Стоит умыться это лицо, стереть всё то, что ему так не идёт. Хотя, порой, мне кажется, что это уже вошло в привычку; видеть себя таким стало чем-то нормальным. Я всё больше привыкал к боли. Охладив кожу и немного выпив воды из-под крана, я замечал, как на раковину плавно стекают из носа кровавые кап-

ли. Но от тёмного голубого света кровь становилась такой же тёмной. Чёрной. Капли медленно падают на воду и смешиваются с ней. Вот только кровь не станет водой. Это вода станет кровью. Теперь её было слишком много. До моего прихода эта керамическая раковина смотрелась чистой, почти полностью белой. Но сейчас всё изменилось, я хочу убрать красные капли из неё и мягко провожу по раковине своей ладонью. Остатки крови уносятся в трубу, но какая-то часть всё равно остаётся на поверхности. Она не стирается. И в скором времени я сам не понимал, что сейчас делаю.

Я снова смотрю на себя, на своё разбитое лицо, выглядящее, как машина после аварии. И оно вызывает у меня отвращение. Мне трудно видеть себя таким в очередной раз. Хочется попросту закрыть глаза, но они и без того почти ничего не видели, под ними образовались слишком явные мешки и синяки, да и сами зрачки были не лучше, как будто они и есть та самая кровь, что я размазал по всей раковине. Рваная кожа на моём носу залита очередной кровью, нижняя губа порезана, а на лбу, почти в районе виска, торчала большая шишка, размером с теннисный мяч. От воспоминания о ней мне стало не по себе. Крови было много, она вытекала из всех этих мест и заплывала под мою чёрную футболку. Всё это я мог назвать лишь одним словом – прошлое. Ведь прошлое так просто не стереть. Оно слишком сильно отразилось на мне. Прошлое было на моём лице... Я сам был этим прошлым. Ведь живу только им. А больше жить я ни-

как не хочу.

Мне пришлось разбрызгать по себе воду, дабы не оставлять красных пятен на коже. Царапины сильно щипались, будто бы я прижигал их раскалённой кочергой. Я отыскал руками серое полотенце и, убрав им с лица оставшиеся крупички холодной воды, вдруг посмотрел на свои руки. Костяшки были разодраны, все фиолетовые и бардовые, а шкура почти слезла с фаланг четырёх пальцев. И тогда я даже не мог сжать собственную руку. Она больше не поддавалась мне, как и вся моя жизнь. Полотенце выпадало из ладоней, я ощущал боль, которой не могу противостоять. Ноги совсем не держат меня, и я сажусь на пол, прислонившись к маленькой стиральной машинке позади себя. Я кладу свои руки на плитки именно той стороной, которой наносил удары, пытался отбиться. Прохладная поверхность ощутимо снизила назойливость, но я не думал, что теперь всё было хорошо. Сейчас я сидел именно так: в синяках, с разодранными кулаками, проглатывая свою же кровь во рту. Иногда мне хочется остановиться терзать себя всеми возможными способами. Порой, я даже думаю, что боль доставляет мне удовольствие не меньше, чем её отсутствие. Но мне не хочется что-либо менять в своей жизни. Уже поздно. И тогда эти мысли о чём-то лучшем, что могло бы быть со мной, сами собой пропадают, как солнце за тёмными тучами при надвигающейся грозе.

Когда моё тело впитало слишком много холода, я решаюсь встать и покинуть ванную комнату. В доме темно, ведь нигде

больше я не включал ни единой лампы. В этой небольшой двухкомнатной квартире сейчас абсолютно пусто: нет ни мамы, ни моего брата. Через силу дойдя до своей комнаты, я пытаюсь отыскать таблетки, которые прописал мне мой лечащий врач. Однако многое подсказывало, что я их не найду. Хотя бы то, что я ничего не мог разглядеть в темноте. И в ту же минуту я тревожусь. Меня бросает в дикую дрожь. Прикоснувшись к синяку, из которого муки исходили больше всего, я понял, что сделал это напрасно, ведь тогда это нанесло мне страдания, сравнимые при первом расставании – его было также трудно пережить. Тогда же потребность в таблетках прибавилась в разы, ведь только они и спасали меня последние месяцы от бессонницы и головной боли. Когда я отыскивал пачку Аминазина в своей тумбочке, то вытащил одну таблетку и приготовился положить её на язык. Но не стал этого делать. Ведь она не позволит моему телу шевелиться, я превращусь в некое подобие трупа, хоть и смогу думать головой. Мысли разбегались, я злился на самого себя, ведь не знал, как мне поступить. Становилось всё хуже, я только и делал, что принимал все терзания на себя и не отрекался от них. И эта боль, которую я вновь переживу, уготована мне не просто так. Ведь я сделал то, за что никогда не смогу себя просить. Я подставил собственного лучшего друга, когда полчаса назад ему проломили голову железной битой.

Они догнали нас, застали врасплох, а затем избили теми же битами прямо по головам. Но мне досталось меньше,

чем ему. И сейчас мой лучший друг лежит в больнице только по моей вине. Я готов убить за это самого себя. Но что оно мне даст? Моя смерть не накажет того, кто это сделал. Потому что только я могу его наказать. Я хочу найти этих мразей и переломать им все кости. Однако даже не знаю, где их искать. Только в это всё и упирается. Я не боюсь этого сделать, бояться я перестал уже давно. Мой поступок не будет справедливым, ведь справедливость – это вообще понятие растяжимое, но для меня всегда действия, которые мы совершаем, должны быть только по совести. И, если она имеется у человека, он должен следовать только ей. Когда кто-то виноват, мало что может сделать закон. Он делает всё деликатно, почти интеллигентно. И хоть тюрьма – дикое место, но хуже быть избитым инвалидом до конца своих никчёмных дней, чем иметь возможность хотя бы стоять, говорить и совать в рот пищу. У меня нет цели просто избить этого человека. Я хочу заставить его пережить то, что он точно забудет. Ведь что-либо запомнить он больше никогда не сможет.

Где-то на глубине кармана я отыскал свой телефон и нашёл номер Руслана. И когда он поднял трубку, моё сердце остановилось. Меня охватила невиданная злость от понимания того, что случилось на самом деле. Я сразу же понял, кто меня подставил. И, если Руслан уже думает, что меня убили, то это ошибка. Я живой. И сам готов убивать.

– Алло? – говорит он спокойным голосом.

– Ты хотел, чтобы это произошло!.. Так ведь?! – в трубке

стояло молчание. – Где он, мать твою?! – кричал я в телефон.

– Постой-постой... Хватит орать. Объясни мне, что случилось? Как прошла встреча? – спрашивает он.

Меня начали раздражать его вопросы. Один за другим, как вагоны поезда. Я не хотел терять своего времени.

– Не затыкай мне рот, сука! – закричал я. – Ты послал меня на встречу с этим человеком, но не сказал, кто он такой! Чего ты ожидал?! Что он станет со мной по душам разговаривать?! Почему ты мне не признался сразу, что это его машину я сжёг ради тебя?! Отвечай, блядь!

– Успокойся, Владислав.

Спокойствие в его собственном голосе вызывало во мне лишь ещё большее нарастание гнева. Руслан знал, как стоит разговаривать с разъярёнными людьми, и когда до меня дошёл этот факт впервые, я сразу же подыгрывал ему, чтобы не ставить из себя бешеного идиота. Но в этот раз мне хотелось рвать свои связки и выкрикивать слово за словом, оскорбляя его за всё, что я пережил.

– Моего друга, Сашу... Они проломили ему голову... Я вызывал «скорую», его забрали, но... Я не знаю, что с ним будет. Почему ты мне ничего не сказал? Почему?!

И вновь дрожь пробежалась по моей коже. В этот момент я ощутил накатывающиеся слёзы на своих глазах. Я не хотел думать о том, что мой лучший друг может умереть. Мне было страшно и без этого. Я должен найти их, но пугало именно то, что я не знаю, где они сейчас. От этого факта страх

не только возрастал в моём теле. Он буквально ломал меня изнутри.

– Влад, мне жаль твоего друга, – но я знал, что Руслан не испытывал ни малейшей жалости к нему. Мне было наплевать на его слова. Однако он один мог помочь мне найти человека, избившего моего лучшего друга. – Но, что я могу сделать? Ты сам знал, на что идёшь...

– В том-то и дело, тварь, что я не знал! – прокричал я, перебив его. – Я ничего не знал об этом! Ты специально скрыл это от меня, чтобы я не волновался, когда пошёл вместо тебя на эту ёбанную стрелку! А теперь что?.. Мой друг...

Руслан был старше меня. Возможно, умнее, но я так не считал. Был однажды момент, когда он вёл себя, действительно, очень умно, но тогда он был со своей новой односторонней страстью. Кто угодно начнёт вертеть хвостом перед девушкой, если она нужна ему только лишь для одного. А Руслан был именно таким человеком не только с девушками, но и со всеми остальными. Ему все ради чего-то нужно. И в большей степени ради собственной выгоды, чтобы он остался в стороне от взрывной волны своей гнилой деятельности. И я купился на его слова. В очередной раз сделал это и вновь жалею, что не послал его к чёртовой матери.

– Я хочу знать, где он сейчас или... или скажи мне, где он живёт... Скажи мне всё, блядь!

– Влад, ты думаешь, я бы стал с ним общаться? Ты нас друзьями считаешь? Стал бы я дружить с ним и спраши-

вать его адрес? Как ты думаешь? Тем более, что, как ты сказал, его тачку ты и сжёг по моей просьбе. Просто успокойся, Влад, – говорит мне он. – Костя сам скоро объявится, я в этом уверен. И мы не оставим этого в стороне.

Тогда я крепко сжал в руке, словно в тисках, свой телефон.

– Скажи мне хоть что-нибудь!.. – вырвалось из меня.

После его послышавшегося мне неестественного вздоха в трубке, Руслан ответил:

– Мы когда с ним трещали, перед встречей, он упомянул про кого-то парня, который должен ему денег. Хотел после встречи как раз направиться к этому мужику. Сказал, что дом на «Притопной». Остального не помню.

– Это точно всё? – напоследок спросил я.

– Да, Влад. Это всё, что я знаю. А... что ты будешь с ним делать? Влад? Влад!..

Я сбросил трубку, стараясь больше не слышать его голоса. Теперь, когда я знаю, куда мне идти, стоит начать собираться. Я разбираю диван и поднимаю одну его часть, чтобы найти под ним свою бейсбольную битку. Я вытащил её и недолго подержал в руках. Эта битка стоила шестьсот рублей, я купил её месяц назад специально для подобных целей, надеясь, что когда-нибудь она сможет мне оказать незаменимую услугу. Собираясь уходить вместе с ней, я обнаруживаю, что идти с битой по улице в девять часов вечера – не самая здравая мысль. В это время не редка возможность встретиться

со стражами порядка, где бы ты ни пробежал. И в этот же момент я кладу её обратно, не забывая, что она у меня есть.

Нужно что-то мощное, но меленькое, не бросающееся на глаза. Чтобы разглядеть все свои вещи, а не видеть лишь то, что освещает луна, я включил свет в комнате. Кровать брата застелена, его здесь не было уже несколько дней. Отсюда совсем исчезло то самое чувство и время, когда нам с ним было о чём поговорить. И это ещё сильнее стало терзать мою душу.

Я решаю переодеться, ведь моя одежда была грязной от валяния на земле, на которой по мне стучали битами. Сбросив с себя вещи на пол, я беру чистые. Надеваю чёрную футболку и балахон с такими же чёрными штанами, отдалённо напоминающими джинсы. Когда я привёл себя в порядок, то сразу же продолжил искать себе оружие. И тогда я вспомнил про свой раскладной нож. Отыскав его среди всего хлама в моих вещах, нож нашёлся довольно быстро. Разложив его, тот оказался почти нетронутым, таким же стальным и острым, каким он и был мною приобретён. Перед уходом я перебинтовал свои руки эластичными бинтами, ведь боль от разодранных кулаков не покидала меня и сейчас.

Дойдя до коридора, я хватаю рукой ключи с крючка и стремлюсь поскорее выйти из своей квартиры. Однако мне снова хочется взглянуть на себя в зеркало. Я не мог понять, что со мной стало. Ведь прямо сейчас мной движет мания нанести человеку тяжёлый вред, почти сравнимый с убий-

ством. Помнится, раньше я о таком никогда не задумывался и ни разу не вступал в серьёзные контакты с другими людьми. Времена очень сильно изменились. И я стал другим, именно таким, каким никогда не хотел себя видеть. Моё лицо может рассказать за меня же самого гораздо больше. Я закрываю за собой дверь и ухожу из дома.

Выйдя из подъезда, я почувствовал приятный для себя запах осенней погоды. На улице сыро от недавно лившегося дождя, ветер немного продувает меня под одеждой. Горящие фонари светили вяло и не давали шанс заметить на парковке все машины разом. Повсюду лишь мрак и мерцание, где жёлтое смешивалось с тьмой, а затем и вовсе исчезало. Небо было тёмно-синим, и ни одной звезды я на нём не заметил. Никого здесь больше не было, и этот факт позволил мне насладиться одиночеством. Я иду по мокрой траве, вдали от фонарей, возле мелкого зелёного забора, скрыв своё избитое лицо под капюшоном. Мои кроссовки слегка намокают от ходьбы по лужам, хотя это даже казалось приятным. До «Притопной» я решил не просто идти, а бежать, оббегая гуляющую в это время молодёжь, которая попадалась мне по пути гораздо чаще, чем старики или взрослые люди. Однако каждый, мимо кого я проскальзывал, выражал на своём лице недоумение, словно для них бегущий куда-то человек казался неприемлемым явлением. Ускоряя свой бег, я ощущал появляющийся пот на лбу. От скорости капюшон то и дело слетал с моей головы. Но это стоило того, ведь нуж-

ная мне улица виднелась от меня всего лишь в паре сотнях метрах.

На «Притопной» было совсем одиноко, будто бы вся улица уже давно пребывает во сне. Нет вообще никого, я не замечал даже бродячих собак или кошек. Одна лишь тишина и окружающая её темнота. Я оглянулся, чтобы хоть что-нибудь найти, способное подтвердить слова Руслана. В окнах полно красок. У некоторых людей горел то зелёный, то синий, у других же оттенки и вовсе переливались раз за разом. Это создавало ощущение радуги в небе. Какого-то безумия. Стоя возле первого подъезда, мне на глаза попалась некая чёрная машина. Она напомнила ту самую, на которой Морозов приехал со мной на встречу. Это была она и находится его автомобиль у четвёртого подъезда, куда я резко направляю свои шаги. Адреналин вскакивает внутри меня и вызывает лёгкое волнение. Всё это даёт мне понять, что я готов. Но к подобному никогда не получится стать готовым.

Открыв дверь в подъезд своим универсальным ключом от домофона, я начал подниматься наверх, в надежде отыскать их или хотя бы дождаться. Адреналина вдруг стало ещё больше. Он быстро прыгал по моим венам и наполнял меня собой, словно бочку тонной тротила. Я медленно начал ступать по лестнице, прислушиваясь к голосам, которые доносились сверху. Оказавшись на пятом этаже, я понял, что голоса раздавались с седьмого. Мне пришлось идти ещё осторожнее, чтобы никто не распознал меня и не успел тут же

спрятаться от ненужного внимания. Я встал между этажами, подслушивая их разговор. И, глянув краем глаза через лестницу, рядом с лифтом оказывается Морозов, стоящий в тёмной куртке. Его образ больше всего запомнился мне своими бакенбардами, которые слишком ярко выделялись на его лице. С ним стоят ещё двое. Один из них прижался к стене в оранжевой безрукавке, другой же постоянно тёрся около Морозова, на его ногах были шорты и лёгкая олимпийка, и этот человек нетерпеливо расхаживал по сторонам, без умолку ожидая.

– Где этот мудака? – спросил он человека, который нанёс удар по голове битой моему лучшему другу.

– Что, не терпится ручки свои запачкать, да?.. – ответил Морозов вопросом с улыбкой на губах.

– Да уже запачкали, хватило на сегодня, – вступил парень в безрукавке и тут же отлип от стены. – Блядь, побелка останется! Сука! – крикнул он, заглядывая себе за спину.

– Не ори. Я слышал, дверь закрылась. Походу, идёт...

Из предбанника к ним вышел какой-то мужчина в синей клетчатой рубашке. Он держал в руке деньги и попросил Морозова подойти к нему поближе. Они говорили о чём-то, но только шёпотом. Их диалог не имел напряжённости и особо продолжительным он тоже не был. Мужчина положил в руку Морозова деньги. Но потом слышимость голоса самого Морозова резко возросла. И он начал громко кричать. А затем всё произошло слишком неожиданно. Они ста-

ли избивать этого человека втроём, поливая его матом, выпрыскивая свои слюни ему на лицо и раздавливая ладони ногами на пыльном полу.

– Ты должен был отдать их раньше, паскуда конченная! – Морозов ударил по его голове ногой. – Хочешь, чтобы я и детей твоих также отпиздил? И жену твою тоже? Может, мне её трахнуть, а? Прямо сейчас?

Я представлял его лицо, пока он был повернут в мою сторону спиной. Морозов ничем не лучше меня.

– Надеюсь, до тебя дошло. Не заставляй нас возвращаться! – говорил он, брызгаясь слюнями на этого человека.

Я вышел из подъезда, так как знал, что не справлюсь с ними в таком тесном пространстве. Вдохнув в лёгкие прохладный осенний воздух, адреналин в моём теле немного опустился. Я решил подождать их на самой отдалённой скамейке, находящейся под голым деревом. Сейчас я давал себе незаконный отдых. Мне нельзя было сидеть на месте, ведь в любой момент Морозов может уехать отсюда, и я никогда не смогу завершить начатое. Я хотел собраться с мыслями и понять, как мне стоит поступить. Лезть к ним на рожон – не особо приятный вариант, да и к тому же в одиночку у меня мало шансов. Но других путей я не видел. Пускай они возьмут меня числом, в любом случае мне конец. Но я редко начинал драку последним. Морозов может уехать в любую минуту, если я ничего не предприму. Тогда я решил разложить свой нож и подняться со скамьи. Встав около его машины, я

начал дырять грязные колёса одно за другим. Продырявив все четыре колеса, мне хотелось ещё больше поиздеваться над его автомобилем: сломать лобовое стекло крепким кирпичом, расцарапать все двери, порвать кожу на сиденьях... Но позже мне послышалось, как кто-то выходит из подъезда. Растерянно спрятавшись за машиной, я поставил ноги возле колеса. И тогда до моих ушей долетели матерные возгласы владельца машины. Мне вдруг стало страшно и не по себе одновременно. Почти заметили. Но я не имел права сейчас бояться, однако и не мог себя выдать, хоть и хотел, мечтал напасть на него прямо сейчас. Морозов осматривал свои колёса, но не подходил к стороне, за которой прятались мои кроссовки. Ему и без того всё было ясно.

– Вот сука, блядь! Пиздец теперь! Колёса прокололи! Сука! Дворовая шлюха!.. Что за город-то такой дерьмовый! Выходи, пидарас! Я тебя выпотрошу!

Но я не выходил, а предпочёл и дальше прятаться за его машиной. Выжидая его следующих действий.

– И что нам делать-то, Костян? Как поедem отсюда?

Слегка выглянув из-за капота, я увидел, как Морозов вытирает кулаки об только что сорванный им подорожник. Он бросает его рядом с собой и кладёт окровавленные руки в карманы, предварительно успев вставить в губы сигарету.

– Грише позвоню, он нас заберёт. Жалко, конечно, тачку. Уже вторую испоганили. Про первую вообще молчу...

– А что с первой? – спросил его парень в шортах.

– Сожгли. Не буду вспоминать, жалко. А пока пошли, в магазин ходим. Мне пить хочется.

Когда они устремились прочь с этой улицы, мне пришлось подождать, пока их туловища точно скроются за домом. Тогда же я вышел из-за машины и медленно последовал за ними. Морозов направлялся в круглосуточный продуктовый магазин. Он открывает своим ребятам дверь и попутно разговаривает с кем-то по телефону. Около магазина не видно ни души, даже машины не припаркованы. Я приблизился ко входу. На кирпичной стене горящая красным огнём вывеска ярко отображала название «КРАСНЫЙ КВАДРАТ». Я решил встать за дверью, ведь что-то в моей голове снова да-ло знать о боли. Дрожь... Тревога... Я не мог разобраться, что со мной происходит. Сегодня был первый день, когда я не принимал свои таблетки. Это послужит мне хорошим уроком больше так не поступать.

Скрыв своё смятение, я приблизился к цели. Зайдя внутрь магазина, на кассе я увидел кроме этих троих ещё и двух не совсем трезвых молодых девушек, к которым Морозов пытался приклеиться. Я прошёл мимо. Волнение в теле лишь увеличилось. Моё лицо никто не распознал из-под капюшона. Мне захотелось отправиться в отдел спиртных напитков. Встав на месте и рассматривая полки, я обнаружил бутылку «Jack Daniels», которую понёс с собой на кассу. Она была очень крепкой и вряд ли сломается от одного нанесённого удара. Я поборол внутри себя все возможные переживания

того, что у меня ничего не получится. Пускай их будет хоть с десяток, но я ни перед кем не остановлюсь. Мне было плевать на себя. Каждый день я готов пытаться свой мозг, морально подавляя все признаки его жизни. Это моя выбранная дорога. Я такой человек.

Морозов всё ещё пытался развести девушек поехать вместе с ним, однако они, даже будучи пьяными, не поддавались ему. Это злило его. И в один момент он повернулся ко мне лицом. Когда я увидел его вновь, то вспомнил произошедшее полчаса назад. Мой друг, лежащий на земле с пробитым черепом, а из-под каждой дыры выливается кровь. Он без сознания. Он при смерти. И только я мог его спасти. Морозов же мог его убить. Если и не убил...

Я наношу ему удар бутылкой прямо в висок. Морозов падает на кассу и тут же эта бутылка летит в одного из его товарищей в безрукавке. Она попадает ему в лоб и сводит с толку. Но остаётся третий. Он молниеносно хватается за грудки и откидывает от кассы. Слышен пронзающий голову визг девушек, бегущих подальше из магазина. Кассирша вызывает полицию, прячась за стендами. Они продолжают драку и не станут останавливаться. Как и я сам. Удары этого человека в шортах оглушали меня, из-за них пропадала видимость происходящего. Я замечал, как Морозов вставал с ленты на кассе и приближался ко мне. Но я не сдался. Тут же поднявшись, я начинаю драться в полную силу. Меня били по лицу, хватили за руки и бросали в стенды с продук-

тами. Падали бутылки, ронялись овощи, ломались стёкла. Я был отброшен в стену, но по-прежнему держался в стойке. И тогда они встали сразу трое против меня одного. Морозов выходит вперёд самым первым. Я замахиваюсь на него кулаком, он не успевает увернуться, и этот мощный удар разбивает ему нос. Когда Морозов был выведен, ко мне подошли сзади и взяли за голову, а второй в олимпийке наносил удары в пресс. Ощущая дикую боль, мне всё больше хотелось убить каждого из них. И когда второй пробивал очередной удар в мой живот, я отбиваюсь от него ногой, которая задела его прямо по лицу. Тот, что удерживал меня за голову, тут же начал неопытно душить, будто бы усмиряя во мне дикого зверя. Задыхаясь и скрестив ладони, я ударил своим локтем в его печень и, когда он отпустил меня, скрючившись от мучительной боли, я взял его голову двумя руками и нанёс по ней тяжёлый удар своим коленом прямо по лбу. Начинается одышка. В глазах темнеет. Я слегка держался за своё горло и дотрагивался до живота, словно там была колотая рана. Ко мне стремится второй в олимпийке, в шортах и с окровавленным лицом. Он размахивает своими кулаками и старается попадать только в район глаз. Тогда я решаю отпрыгнуть от него в сторону и кинуться в ноги. Этот парень не выдержал и упал, стукнувшись головой о плитку. Не смотря на его рвение и желание снести меня с себя, я всё равно переворачиваю его на живот и со всей силы бью ступнёй по икре. Но после одного удара последовало огромное

множество. Крича, я стучал по его колену, пока не услышал, как сломалась кость. Раздался еле слышимый треск, и полованная кость выглядывала из-под его кожи. Этот крик боли, что издался в помещении, словно обезумел меня. Я перестал что-либо слышать.

Сюда ехала полиция. И как только я опомнился от этого, то сразу же заметил несущегося отсюда Морозова, за которым побежал, как за мышью. Морозов выбегает из магазина на улицу и устремляется от меня всё дальше. Но он не верит в то, что сможет убежать. Я слышу, как ритмично бьётся его сердце, как ему с ужасом на лице не получается от меня оторваться. Мои ноги словно летели, дыхание почти прекращалось. Я ловлю его за воротник и бросаю на дорогу. Он знает, что сейчас будет. Морозов вертится, всё ещё хочет сбежать. Но ему не получится. Я вдалбливаю свои кулаки в его лицо. Боль в моих костях становится всё заметнее, но она тут же меркнет, когда я вижу кровавое лицо того человека, который чуть не лишил меня лучшего друга. Удар за ударом выбивал ему зубы, оставлял уже чернеющие синяки, уродовал его облик. Кровь брызгала на моё лицо. Морозов словно умирал на моих глазах. Красные слюни сами вылетали из его рта.

Я достал нож. Морозов захлёбывается в своей крови и вновь выплёвывает её вместе со своими отломавшимися зубами. Его лицо умоляет меня этого не делать. Но он не может сказать мне, чтобы я пощадил его. Ведь я не умею щадить людей. Поэтому раскладываю свой нож. И тут же вой

сирен доносится до моих ушей. В этот момент я проклинал всё на свете и себя самого. За то, что не могу сделать это с человеком. Я не был убийцей. И становиться им не входило в мои планы. Я в последний раз замечаю его. Он без сознания, закрыв глаза, лежал на асфальте. Красная вывеска от магазина погасла. Они закрыты. Мне пришлось оставить это дело незавершённым.

Я убежал подальше, скрывшись в каком-то дворе. Обернувшись назад, полицейская машина уже приблизилась к магазину. Они обнаружили Морозова, вызывая наряд «скорой помощи». Я не чувствовал довольство собой или же какую-то гордость за свои действия. Я не был победителем. Меня часто преследовал проигрыш. Я знал, что поступаю неправильно. Убивать людей сравнимо с собственным убийством. Когда ты отнимаешь жизнь у другого, то тебе даётся новая... в роли маньяка, а старая мгновенно исчезает. И ты уже никогда не будешь прежним. Твой взгляд обретает слепоту.

Сняв с себя балахон, я выбросил его в кусты. Женщина за кассой могла запомнить мою внешность, поэтому я решил не рисковать. Тогда я посмотрел на бинты на кулаках, измазанные в чужой крови. Я развязываю бинты на руках и бросаю их в лужу под своими ногами. На мне осталась лишь чёрная, пропотевшая футболка. И вдруг за спиной вновь послышался вой полицейской сирены. Однако, когда я повернулся, они лишь уезжали отсюда. Они искали меня. Я пошёл впе-

рѣд по длинному асфальту, пробираясь сквозь холод и терзающие голову мысли. Тогда мне казалось, что это никогда не кончится. А даже наоборот. Скоро всё начнётся.

ГЛАВА II. Раны

«Жить воспоминаниями – удел стариков, это в предпраздничный вечер, когда дневные труды окончены. Начинать с этого в юности – смерть» – Томас Манн.

Владиславу всё время казалось, что его кто-то преследует. Он постоянно резким движением оглядывался за спину в поисках чужих глаз, но вместо них позади него была лишь пройденная дорога. Эти видения и предчувствия совершенно точно издевались над ним, над его головой. Владислав не мог сосредоточиться на собственных мыслях, думая о себе и о своём поступке. Порой, смотря на свою тень, ему хотелось растоптать её. Мысли казнили его, ломали психику и выворачивали мозг наизнанку. Каждый шаг доставался ему с трудом, ведь боль, что была не только по всему телу, но и в его разуме, совсем не оставляла в нём сил. Владислав медленно шёл через дворы, переходя из одного в другой, срезая через переулки, перебегая пустую дорогу и шагая по опавшим листьям, которых он совсем не видел под своими ногами. Преодолённые им улицы в его глазах никак не различались. В каждой из них повсюду были старые иг-

ральные площадки, металлические горки с большими пятнами ржавчины, дряхлые и поломанные качели. Рядом стояли деревянные лавки, не выдерживающие скопления воды внутри себя, поэтому на них было просто стыдно смотреть. И Владислав понимал, что всё это не одно место и не места, а большая страна, в которой он жил. В его пути присутствовал даже один двор, отличающийся от всех остальных более резко. Но не в лучшую сторону. Он был слишком бедный, почти пустой, в нём даже не горел свет от высокого столба, ибо тот был повален на землю. Однако Владислав и этому не посмел удивиться.

На улице стало значительно холоднее, и мороз давал ему о себе знать в виде мелких мурашек, то и дело скользящих по его коже. Он идёт, несмотря на всё время лезущие сопли из носа, в знак того, что его тело уже не выдерживает этой прохладной стужи. Руки, облитые кровью через снятые бинты, немного дрожат. Ноги, продвигающиеся вперёд со слабостью и постоянными остановками, отказывались двигаться дальше. Владислав уже не чувствовал, как пытается сжать свои кулаки. Кости не поддавались ему совсем, словно ребёнок не хочет выполнять требования родителей. Когда Владислав остановился, чтобы попытаться рассмотреть свою руку, он заметил, как рваная кожица, сорванная от битья по чужим зубам, свисала с его пальца. В горле появился ком, а затем и некое отвращение; он будто бы не верил, что это его рука. Осматривая свою конечность дальше, ему виделся лишь

ужас того, что он натворил с самим собой. Владислав прикоснулся ладонью к своему лицу. Он не понимал, где сейчас находится, он чувствовал, словно теряет сознание. Он пугался самого себя, не хотел больше видеть своего тела. Однако он и не видел, ведь закрыл глаза ладонью, плотно прижав её к лицу. От страха у него появились слёзы, а от воспоминаний – горький и продолжительный плач.

Он шёл прямо, но не видел дальнейшей перед собой дороги. Город спал вместе со своими жителями, не было проезжающих по трассе машин, никто не прошёл мимо. Оживлял лишь свет от всё ещё мерцающих вывесок. Разноцветные, они создавали свой настрой и смотреть на них было приятнее, чем на то, что они освещают. Владислав чувствовал себя полностью одиноким, потерянным, оставленным наедине со своим разумом и остывшим гневом. Ему некому было излить свою душу, ведь этой способности он не имел. Сдерживая внутри себя все переживания и отрекаясь от мира, посылая на все стороны людей, Владислав делал самому себе хуже. Но именно этого ему и хотелось. А теперь, ступая прямо по дырявому асфальту с литрами луж, несущихся в канаву, Владислав признавал все свои ошибки, но не мог больше ничего изменить. Он хотел следовать своему пути и не знать, что произойдёт с ним в итоге.

По спине снова начинают бегать мурашки, ноги продолжает малость потряхивать. А от воспоминаний ему никогда не удавалось увернуться. Ведь воспоминания – это не люди.

Но именно люди заставляют себя перечитывать их в голове снова и снова. И только память способна убивать безнаказанно. Она безжалостна, память способна показать тебе самое сокровенное, но в то же время ты понимаешь, что этого уже нет. Всё это в прошлом.

Взяв себя в руки, Владислав добежал до пятиэтажного дома, находящегося где-то возле рынка и второго на его пути перекрёстка. Он уже не чувствовал собственного тела и даже не обращал внимания на свой жар. Добравшись до нужного себе подъезда, Владислав вновь вставил свой универсальный ключ и и после прозвучавшей мелодии из домофона смог оказаться внутри. Он из последних сил поднимался вверх, неторопливо ступая по каждой лесенке. На каждом этаже ему приходилось прижиматься к стене и давать себе одышку. Он держался до конца, но сам не понимал, зачем это делает. Тело продолжает слабеть. А в глазах уже ничего не видно. Когда Владислав оказался на третьем этаже, он встретил Руслана, курящего на лестнице и болтающего по своему телефону с каким-то неизвестным ему человеком.

– Я тебя понял. На «Аллее». Да... Скоро встретимся.

Руслан, заметив силуэт Владислава в тени, указал ему жестом, что, мол, не стоит сейчас лезть, лучше подожди немного. Однако потом Владислав вышел из тени и приблизил к нему своё чуть ли не обезображенное лицо и руки. Руслан окаменел и почти было отпустил телефон в свободный полёт. Владислав смотрел ему прямо в глаза и ненависть, что вновь

просыпалась в нём, дала ему последний шанс сделать необходимое тому движение. Он грубо отобрал у Руслана телефон, приведя в замешательство его хозяина. Руслан развёл руками от удивления, однако понимал, что Владислав хочет с ним сделать, и попытался аккуратно и без резкости вернуть себе свой аппарат, ибо разговор всё ещё продолжался на другом конце линии. Но вдруг Владислав ударил Руслана по щеке. Это был быстрый удар, явно рассчитанный на то, чтобы сигарета из его рта выпала на пол. Сил у Владислава почти не осталось, они иссякли после этого удара. Но даже тогда он не остановился. Владислав схватил упавшее тело Руслана с лестницы и прижал рукой ко входной двери в его квартиру, прислонив ту же конечность к его горлу, немного надавливая на кадык. Пытаясь сделать ему больно.

– Ты не знаешь, как я хочу тебя убить!.. Ты не знаешь, как сильно!.. – кричал Владислав ему прямо в лицо. Но его голос не издавал никакого крика. Он охрип. Его дыхание становилось резвым и слышимым даже Руслану.

– Прости меня, Влад!.. Прости!.. Я клянусь тебе... что не знал, что так получится! – ответил Руслан, пытаясь вырваться. Он держался за его предплечье, немного опуская его от своего горла, ведь Владислав слишком сильно на него надавил, и Руслан почти терял возможность дышать.

– Я тебе верил! – снова прокричал Владислав. – Ты же мне почти как брат! А теперь... А теперь ты, сука, решил!.. – вдруг повысил он свою интонацию и на сей раз его голос стал

явно громче, чем раньше. – Ты решил, что можно вытереть об меня ноги! Наплевать на меня! После всего, что я для тебя сделал?! – он ненадолго остановил свои вопросы. И, посмотрев ему точно в глаза, спросил в последний раз: – Почему ты так поступил? – спрашивал он, действительно, ничего не осознавая внутри своей головы. – За что?..

Но Руслан не сказал ни единого слова. И при этом его глаза даже не опустились вниз, изображая признание в своей вине. От также бессмысленно и с умоляющим взглядом просил себя отпустить, смотря на чуть ли не рыдающего Владислава. И тут, поняв, что он снова делает нечто, совсем не похожее на себя, Владислав решился отпустить Руслана, и, когда тот почти рухнул на колени, он бросил ему в руки телефон, хотя тот от растерянности всё равно его уронил. Владислав всегда знал своё превосходство над теми, кто пугался его при одном только виде. Когда он замечал испуг в чужих глазах, для него не было никаких преград сделать возможным унижение. И сейчас всё выглядело именно так: Владислав унизил Руслана, показав его слабым и беспомощным против себя.

– Мне нужны деньги. Отдай мне их и больше мы с тобой никогда не увидимся, – сказал монотонно Владислав, придерживая свою кисть, совсем переставшую его слушаться. Он сжал кулак. У него получилось. Будто чужая боль – для него энергия.

Руслан приподнялся с опустившихся колен и, схватив

свой телефон с пола, ответил с небольшой злостью:

– А с чего это я должен давать тебе денег? За моральный ущерб? Или физический? Зная тебя, ты, наверняка, слишком дерзко себя с ним вёл, поэтому и схлопотал по своей тупой башке, – вдруг в конце своего предложения Руслан повысил голос. В этот же момент он прервал телефонный разговор.

– И ты думаешь, что его моя резкость смутила, или мой поступок?.. Что я сжёг именно его машину по твоему указу! Ты, гнида, приказал мне это сделать! – тыкал он в него пальцем. – Это был твой указ, твоя просьба!

– За деньги, которые ты получил, – уже спокойнее ответил Руслан, слегка прикасаясь к своей челюсти.

– Но ты же сам знаешь, что сделал... Что подставил меня... А ты хоть понимаешь, блядь, что теперь с моим другом станет?! Что он умирает в больнице! Или уже умер! – к своим крикам Владислав постоянно добавлял движения руками, то показывая на себя, то на улицу. Туда, где лежал Саша с проломленной головой. И, вспомнив бледное лицо своего друга, Владислав вновь хотел нанести Руслану удар, но его всё ещё сдерживала мания услышать очередное оправдание. А больше всего – услышать правду.

– Почему я так поступил, да?.. – спрашивал его Руслан. – Я испугался! Да, поверь в эти слова, но меня держал только ёбаный страх, – он осмелился слегка придвинуться к лицу Владислава, дабы лучше видеть его в темноте. – Послушай,

мне, реально, жаль, что всё так вышло, – сказал он, положив руки ему на плечи, но Владислав вновь разозлился, приняв это за очередную ложь. – Но денег у меня нет. Вообще никаких.

Владислав чувствовал во всех его словах враньё. Ведь теперь ему никогда больше не хотелось верить этому человеку. Он резко отмахнулся от его рук, положенных себе на плечи.

– Я не уйду отсюда без денег, – произнёс он утвердительно. – Моего друга не вылечит мольба. Ты же знаешь... Я не дружу с богом. Отдавай всё самое ценное, что у тебя есть.

– Ты... ты в своём уме? – с удивлением спросил Руслан. – Может, мне для твоего друга ещё почку свою вырезать?

– Не отдашь вещи, я вырежу сам! – крикнул он.

– Я же тебе сказал, у меня ничего...

Владислав рвался к нему в дом, но Руслан прикрывал от него отпертую дверь. В ярости от того, что он ему мешает, Владислав толкнул Руслана во входную дверь, которая открылась от летящей на неё туши; Руслан упал на свой бетонный пол и ударился об него своим затылком. Владислав медленно подошёл к нему с небольшой ухмылкой, смотря, как тому больно от падения, а затем стал медленно проходить вперёд, поглядывая на лежащего на полу холостяка. Однако Руслан решил не оставлять этого просто так. Он увидел, как Владислав шагает по его квартире, даже не сняв с себя обувь. И по свински напал на него со спины. Огрызавшегося Руслана Владислав скинул с себя и, слегка подтянув, свернул

руку, продолжая держать в согнутом положении, пока тот не успокоится. Руслан продолжил рваться, он смог дотянуть свой кулак до его живота, но у Владислава всё ещё хватало энергии, чтобы его удерживать. И тогда, устав от всего этого, Владислав ударил его коленом в печень, отпустив в конце. Руслан сразу же схватился за своё брюхо и вновь повалился на пол, держась двумя руками за живот и скрючив непонятную рожу, будто только что съел целый лимон. Владислав перешагнул через него и прошёл в гостиную.

Она была, без преувеличения, роскошная, вся в белых тонах и в ярком освещении. В центре зала, на потолке висела очень красивая стеклянная люстра с какими-то алмазами. По всей гостиной была расставлена белая мебель, кожаная и приятная на ощупь, да и сидеть на такой не менее удобно. Всё остальное: телевизор, шкафы, тумбочки – были такими же новыми, как и эта квартира, на которую Руслан копил меньше двух лет, заручившись поддержкой денег мёртвого отца. Вернее, их остатками. Владиславу было непонятно, почему Руслан имеет такие хоромы в таком бедном и мрачном городе с такими же бедными и мрачными людьми. Но сейчас эти мысли его совсем не волновали. Он смотрел на всю квартиру и, пускай и нехотя, но любовался ею, завидуя Руслану, жившему совершенно одному. Он хотел взять всё, что видел. Продать эти вещи, чтобы помочь другу. Но в какой-то момента Владислава остановила единственная мысль... Что он уже мёртв. От этого ему стало ещё хуже. И Владислав осо-

знал, что больше ничего не может.

Он присел на одно из кресел, что было у окна, и увидел на прозрачном столике у своих ног бутылку с шампанским. «Пьёт дерьмо, зато живёт как в раю», – подумал Владислав. В коридоре уже слышались стонущие звуки встающего Руслана. Он продолжал держаться за свой живот, ведь прилетевший ему удар был жёстким, Владислав на это и рассчитывал. Когда Руслан вышел в свою гостиную, он увидел сидящего и пьющего из бутылки шампанское побитого человека, неопишимо уставшего от сегодняшнего дня, принёсшего ему самые возможные и даже невозможные страдания. Однако Руслану стало не просто обидно, наблюдая за Владиславом в своём доме. Он ощутил оскорбление в свою сторону, взглянув на своего, как ему казалось, друга. Руслан, пошевелив на голове свои чёрные волосы, направился в спальню. Владиславу было наплевать на него, он просто продолжал пить немного выветрившееся шампанское. Через минуту из соседней комнаты вернулся Руслан, держа в руке пистолет, который он тут же наставил на Владислава. Тот рассмотрел оружие, направленное на себя. Пистолет Макарова, что сейчас держал у себя в руке Руслан, почти соскальзывал из его руки. Он терялся при виде Владислава, который не боялся его даже перед дулом огнестрела.

Руслан подошёл ещё ближе и прислонил пистолет так, что на коже Владислава осталась небольшая вмятина. И бутылка с шампанским выпала из его руки незаметно для него са-

мого. Он приподнял свои ладони, делая вид, словно сдаётся ему.

– Вали на хуй из моей квартиры... Если не уйдёшь прямо сейчас, я пристрелю тебя... – со спокойным голосом приказал Руслан.

Владислав ждал этого предупреждения. Его лицо стало мрачным, оно по-своему смеялось над ним. И вдруг Владислав резко схватился за пистолет, из-за чего Руслан вздрогнул, и прислонил к своему лбу уже самостоятельно. Он вдавил его в свою голову, пугая хозяина пистолета. Но Владислав и сам прекрасно понимал, что делает. Чего на самом деле хочет.

– Давай, выстрели!.. Давай! Просто лиши меня всех моих страданий, блядь! И больше я не буду мучиться... Не буду мучиться без неё! – на его глаза навернулись капли естественных слёз. Владиславу хотелось зареветь и обнять самого близкого человека на свете. Но его уже не было. – Прошу тебя... – произнёс он, закрыв глаза и опустив голову.

Он говорил эти слова настолько правдоподобно, что Руслан чуть было не нажал на спусковой крючок своим пальцем, лишь бы помочь ему. Но в тот же миг он убрал ствол пистолета и отошёл на середину комнаты с немного ошарашенным видом.

– Ты... ты совсем чокнутый... Тебе лечиться надо, придурок.

Владислав лишь поднял на него свои глаза, пребывавшие

в слезах. И в тот же миг быстро вытер их, не желая показывать свою слабость. Он поднял с пола бутылку, слегка растёкшуюся по ковру, и опустошил её с пяти длинных глотков, и пил он так, будто не пил ничего несколько дней или даже недель.

– Почему не выстрелил? – спросил он. – Кишка тонка, да?.. Ты всегда был таким. Слабым.

– Пошёл ты на хуй, – даже это предложение Руслан проносил со спокойствием. – Ищешь смерти, так иди на крышу, блядь. Мне не хочется брать на себя твою смерть. Уж если не терпится, то решайся, а не умоляй других...

Руслан почесал свою щетину дулом пистолета и достал обойму из магазина.

– Он даже, сука, не заряжен, – ухмыльнулся он. Эта фраза рассмешила Владислава, однако он не издал смеха.

– Ты ведь хотел выстрелить... – сказал тот. – Хотел показать мне, чего стоишь. Но ты ничего не стоишь, Руслан... Ничего.

Руслан думал, что ответить. Но потом выдал следующее: – Считай, как хочешь. Называй меня пустым местом. Но я не забываю людей, которые мне помогают. И друзьями я кого попало не называю. И убивать их я тоже не стану.

– А предавать станешь?

Руслан промолчал. Он сел на свой белый диван, расположенный с правого края кресла, на котором находился Владислав. Руслан взял у себя под ногами другую бутылку, бутыл-

ку с русской народной, лежащей под всё тем же прозрачным столом. Сняв крышку, не закусывая, – да и не чем было, – Руслан сделал пару глотков, после чего понюхал рукав своего серого свитера. А затем развалил своё брренное тело и ослабился, наполнив голову спиртом. Капля водки начала стекать с его губ и убегала за воротник. Ему явно дало в голову. Владислав отобрал водку и выпил сам. Они оба начали смотреть в одну точку, не двигаясь и лишь изредка сжимая веки. Владислав попытался завязать с алкоголем ещё летом, но жизнь – такая штука, что в ней всё идёт наперекосяк, даже когда ты стараешься изо всех сил что-то исправить. Он боролся за своё будущее как мог, но всё было тщетно. И, морально ослабнув, ему и вовсе стало наплевать на свою жизнь.

Они оба успокоились. Оба молчали и ещё ни разу не пересекались взглядами. Руслан продолжал делать маленькие глотки водки, которую Владислав поставил на стол, и корчить рожи, будто бы ему попало что-то слишком кислое, даже кислее, чем тот лимон, который он «съел» в коридоре. Он уже стал достаточно пьяным, хоть и не хотел сегодня напиваться в принципе, а у Владислава этого и вовсе не было в планах. Но он всё равно осознавал, что когда-нибудь не сможет сдержаться.

– Я понимаю тебя, – сказал Руслан тихим голосом. – И я знаю, как тебе тяжело без неё...

От опьянения, почти закрыв глаза, чтобы уснуть, Владислав ответил ему.

– Я не говорил о ней уже полгода. Знаешь, почему-то мне и вправду кажется, что ты меня понимаешь...

– Рад это слышать, – сказал Руслан.

– Я не знаю, что мне с собой делать. У меня отняли самое ценное... В такие моменты я жалею, что вообще знал её. Может, без меня наши судьбы сложились бы по-иному?..

– Никогда так не думай, – сказал Руслан. – Ты не виноват в её смерти. И знай, что мы оба любим её. И я тоже люблю.

– Сестру невозможно не любить. Так же и с моим братом. Пускай он и полный мудака, но я люблю его, – проговорил пьяный Владислав. – И я точно знаю, что... Что ты любил её не так, как я.

– Да, – ответил Руслан, наклонив голову над коленями. – Видимо, не так, как ты...

Засыпая, Руслану хотелось не просто поговорить с Владиславом, но и узнать о том, что произошло сегодня. И почему он сам был почти неузнаваем.

– Что ты с ним сделал? – задал ему вопрос Руслан.

Владислав долго молчал, ведь ему очень хотелось произнести слово «убил». Но ему не позволила сделать это его совесть и видение своего ещё более мрачного будущего из-за этого поступка.

– Отомстил. Как и должен был.

Слегка пробежавшись ногтями пальцев по своей короткой щетине, Руслан сказал:

– У Морозова много друзей. А ещё есть брат. Я разгова-

ривал с ним на лестнице. Мне скоро предстоит увидеть его лично. А дальше... Я не знаю, что будет дальше. За это нам не поздоровится.

– Мне плевать, – перебил его Владислав. – Я не пожалел о том, что сделал. И не пожалел бы сделать дважды.

Прошло некоторое время, они оба уснули на тех же местах, на которых находились в пьянстве. Владислав ушёл на рассвете, где-то в полседьмого утра. Он решил ничего не трогать в доме Руслана, даже не искать каких-либо денег. Просто ушёл.

Он вернулся домой и сразу же застал свою маму, которая собиралась уходить на работу. Она посмотрела на своего сына и ни чуть не удивилась его лицу. Это была вечная картина, которая началась ещё около года назад, когда её сын изменился и перестал вести себя, как прежде. После ссоры с сыном, Татьяна пыталась не обращать внимания на Владислава. Она давно перестала этим заниматься, когда ей уже всё окончательно осточертело, ведь сын не слушал её, не принимал советы, а лишь отталкивался, чем и грубил ей изо дня в день. Владислав понимал это, однако ничего не предпринял. Он не жалел себя, а жалел свою маму, старающуюся ему помочь. Однако он продолжал приходить домой в синяках, весь избитый, грязный и в чьей-то крови: то в своей, то в чужой. А кровь, как известно, очень трудно смыть. Как и прошлое, что Владислав оставил у себя в голове навсегда.

Мама уже собралась уходить. Я быстро проскочил в свою

комнату, пока она была в ванной. Моего брата по-прежнему не было дома, давно ли – я не знаю, но помню, как он звонил и предупреждал мать, что не вернётся сегодня. Я прилёг на своё ложе. И тогда головная боль не дала мне покоя. Словно в мой лоб прилетели тысячи стрел, и каждая из них вонзилась так глубоко, что ни одну из них невозможно было достать. Я ощутил жар по всей коже, а потом вдруг наступивший на ней же мороз. Это состояние для меня не впервые. Мой мозг борется с этим, но я сам уже перестал бороться вместе с ним. Я вытащил ту самую таблетку Аминазина и проглотил, ничем не запив. Бессонница меня всё равно не отпускала. Я не мог заснуть, однако моё тело уже давно расслабилось и пришло в необычайное спокойствие. Сомкнув глаза, я надеялся, что увижу хоть какой-нибудь сон. Но увидел её...

Даша... Я помню всё, что было между нами. Мы вместе лили слёзы, вместе радовались друг за друга. Такую поддержку я получал только от матери, которую Даша будто бы пыталась для меня заменить. Она ласкала меня, постоянно прижимала к своей груди. А я брал её за руку и целовал, как можно чаще, как можно более любя, изображая из себя самого нежного человека на свете. Я был счастлив в те дни, когда был около неё, совсем близко... Наблюдать за движениями её губ, улыбающихся мне в ответ, ощущать в своих руках её русые, длинные волосы и не переставая наслаждаться, когда смотрел в её зелёные, почти как алмазные глаза. И что может

быть такого необычного в глазах? Но они подарили мне самые тёплые воспоминания о ней. А затем и самые мрачные на свете... Ведь позже я обнаружил её тело, лежащее на дороге и сбитое пьяным ментом.

Мы с Русланом пытались сделать всё, что могли. Но, что мы можем? У нас не было никаких связей, ничего. Родители Даши не хотели что-либо с этим делать, им и без того хватало горя. Убийцу посадили в тюрьму на пять лет. Прошло почти два года, а я тоскую по ней, словно потерял только вчера. Она была двоюродной сестрой Руслана. И он любил её так же, как я. Хотя нет. Не так, как я...

Это мои жуткие раны на сердце, которые не вылечит пластырь и никакие лекарства. Как сказал бы хирург: «Только пересадка».

ГЛАВА III. Братья

«Вот роль, которую мне всегда хотелось сыграть, – Старший Брат» – Дэниел Киз.

Елизавета сидела на диване со скрещёнными ногами, на её лицо падал солнечный свет из окна, от которого ей даже не хотелось прикрыться. Молодая девушка пристально глядела в свой планшет, водя маленькими пальцами вниз новостную ленту в социальной сети, в которой из раза в раз новости то повторялись, то были слишком скучными, поэто-

му её это быстро и безнадежно утомляло. Однако даже повторение одного и того же не могло остановить её от этого бессмысленного занятия, ведь бедной Елизавете не виделось других методов занять себя, пока её парень стоял на балконе и докуривал сигарету. Евгений был у неё дома уже два дня, и девушку это несколько не смущало, может, ей это даже нравилось. Ведь Женя постоянно вызывал в ней чувство некого взросления, что она больше не была той девочкой, по одному лишь приказу подчинявшийся всем разом. Теперь она была гораздо самостоятельнее и её парень только подтверждал это. Вот только следовать приказам она не прекратила.

Евгений пускал прозрачный дым после очередной затяжки, смотря на внушительный двор под балконом. Сам двор был полон детей, играющих в футбол и ругавшихся матом, родителей с колясками, пропускающих это мимо ушей, и либо же попросту сидящих на лавочках людей. Женя докурил свой бычок, поправил блондинистые волосы и пошёл в комнату к Елизавете. Милая девушка, имевшая хороший склад ума, хоть и немного капризная и слегка стервозная, всё это время ждала его на одном месте. Она тоже была блондинкой с длинными, ровными волосами, не любя зачёсывать их в хвост. Лиза – одна из тех девушек, которые многое позволяют, точнее говоря, она позволяет Жене делать всё что угодно. Его тягу к курению она не одобряла, но вдыхать яд всё равно позволила. Сейчас же Лиза ничем не занимается,

кроме как заканчивает школу и собирается поступать в институт после одиннадцатого класса. У этой девушки вообще большие планы на жизнь, может, со своим парнем, может, и без него. Однако она всегда знала, что Женя будет против того, чтобы оставить её одну. Понимая это, Лиза окончательно лишила себя храбрости ему перечить. Это сыграло с ней злую шутку, ведь из-за этого, например, она перестала заниматься гимнастикой, ибо, когда Евгений пришёл к ней на тренировку и увидел эти обтягивающие её ягодицы штаны, ревность поглотила его, после чего Елизавете было велено забыть о своих занятиях. Но дело в том, что она даже не попыталась объяснить ему или как-нибудь перечить. И так было каждый раз, когда Жене что-то не нравилось.

Когда Евгений зашёл к ней в комнату, Лиза сразу же откинула от себя планшет и потянула к нему ладони с довольной улыбкой. Женя взял её за талию и прикоснулся губами к её губам, немного наклонив своей девушке голову. Однако Елизавете этот поцелуй не пришёлся по душе, так как от её парня сильно воняло табаком.

– Фу-у! – отцепилась она от его губ и в тот же миг протёрла их рукой. – Я же сказала, что надо зубы чистить, когда покуришь! – проговорила девушка.

– Прости, зайка. Думал, ты не заметишь, – ответил он с улыбкой.

Женя градом рухнул на кровать, что та громко заскрипела, и утащил за собой Лизу. Они вместе легли на подушку,

обнявшись и взявшись за руки. Однако из их уст не вырвалось ни одного слова. Никто из них даже не сказал в этот момент, что любит другого. Было лишь смущающее молчание между ними, но его нельзя было назвать совсем уж неловким. Ведь бывают и такие пары, которые даже молча могут что-то понять. В основном, любовь друг к другу. Им нравилось молчать, больше не ощущая себя одинокими; любовь дарит именно такие чувства. А когда Женя, как ей показалось, совсем потерялся в собственных мыслях, она всё же решает его спросить:

– Жень?

Он промычал ей в ответ.

– Мы с тобой почти полгода вместе. И меня мучает вопрос... Что ты во мне такого нашёл?

От такой сложной и непонятной загадки Евгений почесал свой нос, ответив только:

– В смысле?

– Господи, что тут непонятного?.. – возмутилась девушка и привстала с подушки. – Чем именно я тебя так... зацепила, не знаю? Или, почему именно я?

Евгений нахмурился. Однако, когда Лиза поняла, что это бесполезно, Женя всё-таки нашёл в голове ответ:

– Знаешь, ты та, с кем я хочу провести остаток дня...

– Какого дня? – спросила она.

– Бесконечного.

Елизавета в момент покраснела и улыбнулась ему искрен-

ней улыбкой, какую только может сделать счастливый человек. Она прикоснулась губами к его лбу и нежно чмокнула.

– Милый ответ, романтичный, мне нравится. Ну а если серьёзно. Что во мне такого?

– А что во мне такого? – спросил её в ответ Женя.

– В смысле? – спросила теперь она.

– А в прямом. Я ведь такой же, как и ты – человек. Люди что, так различаются, что ли? Ну, не спорю, бывают и уроды, но мы-то с тобой ничего...

– О чём ты вообще? – удивилась она.

– Так и знал, что не поймёшь... – прошептал он себе под нос. – Может, ты просто похожа на меня. Или я похож на тебя?.. Не знаю, честно. Не забивай себе этим голову, Лизонька.

– Не люблю, когда меня так называют.

– Прости, малышка, – сказал Женя, убрав с её глаза длинный локон волос. – Ты зацепила меня тем, какая ты есть. Какой ты человек на самом деле.

Евгений был не самым плохим, однако и не самым хорошим парнем. Такой человек, как он: курящий, иногда пьющий и запрещающий всё подряд своей девушке, определённо, не может стать идеальным примером для подражания. Однако он всеми силами пытался себя изменить. Но эти попытки редко имели должный результат. Елизавета старалась избавить его от всех вредных привычек, после чего, однако, ей был предъявлен не слабый выговор. Этот барьер между

его запретами и её негодованием часто служил для них темой для очередной ссоры. Но всё-таки Елизавете был дорог её парень, как и она ему. Ведь их обоих связывала тяга друг к другу, и эта связь не прекращалась никогда.

– Мне сегодня папа звонил. Сказал, что хочет с тобой поговорить... – через очередное затяжное молчание проговорила Елизавета.

– Что? – удивился он. – А... – запнулся он. – Зачем я ему сдался? Он что думает, что я тебя тут... насилую?

– Я не знаю, что он думает. Но ему явно не нравится твоё здесь присутствие. Мне кажется, он из-за тебя сюда и едет так рано, – сказала Лиза.

– Когда они приезжают, кстати? – спросил Женя.

– Через пару недель. Я ведь сказала ему, что ты ко мне только по утрам приходишь, а потом тут же уходишь и... – девушка слегка сбилась.

– Они догадаются. Или уже догадались. В любом случае, мне плевать.

– Ты так ко всему относишься, – заметила она. – Не думаешь, что пора меняться?

– Не-а, – сказал он, взяв её руку. – Если я изменюсь, то перестану тебе нравиться, – Лиза усмехнулась. – Да и вообще, люди не меняются.

Елизавета бросила свой напоминающий кошачий взгляд на его голубые глаза. Она была немного встревожена этим положением, ведь дотошно знала своего отца и явно пони-

мала, что он заставит её бросить своего парня.

– Жень, ты... ты можешь вести себя с моими родителями адекватно, когда они приедут? Даже не шутить, а говорить только по делу. Можешь?

– А что со мной такое? Хочешь сказать, что я неадекватный какой-то? Я у тебя дома всё крушу и ломаю? Прыгаю, как кенгуру и трахаю всё, что движется, кроме тебя?

– Женья! – с небольшим стеснением крикнула она его имя.

– Или дерусь тут с кем, кидаю шкафы на телевизор, ломаю окна... Что ещё тебе привести в пример? – почесал он кончик носа.

– Ничего! Просто... будь вежливее, что ли. Я хочу, чтобы ты им понравился. Для меня это важно.

– Лиза, я им понравлюсь, даю слово. Если тебя это так волнует, то можешь сказать им, что у меня отказали ноги и я валяюсь в больнице, а познакомимся с ними потом.

– Дурак ты!..

Они снова замолчали, легли на кровать, уже не держась за руки, а просто разглядывая белый потолок. Однако их головы были направлены друг на друга. И когда всё начало казаться слишком тихим, они осознавали, что им становится мало о чём поговорить, даже по душам никакой темы они не могли отыскать. Они уже оба знают друг друга, обо понимают друг друга и хотят лишь одного – молчать, пока молчит другой или другая.

– А ты меня познакомишь? – вдруг сквозь тишину спро-

сила Елизавета. И Женя тут же с опаской обернулся на неё.

– С кем это?

– Ну... не знаю. Может, с мамой своей или друзьями?..
Постой! – Елизавета привстала и, улыбаясь, глядела на него, пока Женя лишь с недоумением пытался отвести от неё свои глаза в сторону. – Помнишь, ты мне про брата рассказывал?

Евгений понятия не имел, что ей ответить. Он снова почесал свою горбинку на носу и упорно про себя раздумывал над ответом. О своём брате он рассказывал всего один раз, когда они ещё не были с ним в ссоре. Однако теперь он и слова не хочет про него произносить, и даже думать о нём для него было тошно.

– Знаешь, мой брат он...

– Что? Какой он?

– Ну... честно говоря, он, наверное, не захочет с тобой знакомиться... – сказал Женя.

– Как это? – удивилась она. – погоди. Ты мне врешь... – её веки слегка сощурились.

– Да не вру я! Кому, как не мне его не знать? Он ведь у меня реально того... Социопат или как таких дебилов называют...

– Что за брехня?! – чуть ли не крикнула Лиза. – Я видела твоего брата! – от этих слов Жене стало немного стыдно. – Он шёл вполне здоровый, я на него посмотрела и ничего необычного не увидела. Ты же показывал мне его фотографию. Женя, почему ты врешь?

– Слушай, это он при людях так, а как домой приходит, то я даже не успеваю в шкаф спрятаться.

– Хватит врать, Женя! – крикнула она. – Ты так сильно не любишь своего брата или... или ты меня стесняешься?

– Да я же говорю, не в тебе дело!..

И тут же Елизавета заползла своей тоненькой рукой в кармане его штанов и стащила оттуда телефон. Женя прыгнул за ней, но та устремила на балкон, а затем и вовсе закрылась там на щеколду, надеясь, что Женя не обидится на неё за этот поступок. Евгений пытался всячески вернуть свой телефон, что-то выкрикивая своей девушке в дверь и даже выдалбливая её плечом. Однако у него ничего не получилось, он попросту боялся здесь на самом деле что-либо сломать. Лиза зашла в его контакты и нашла сотовый Владислава, который этим временем спал на кровати после вчерашней суровой ночи. И когда она позвонила ему, её взгляд был повернут на небо. Слегка сгустились тучи, облака стали темнее, хотя, казалось бы, сегодня был совершенно чистый и яркий солнечный день. Елизавета почувствовала на собственной коже невнятное. Как надвигается гром.

Звук, заставивший распахнуться мои веки, несколько меня не обрадовал. Скорее наоборот, я был уверен, что он вызовет внутри меня гнев, но я нехотя держал его в себе. Потянув свою руку с рваным кулаком к телефону, лежащему на тумбочке, я ощутил дикую боль по всему своему телу. В какой-то момент мне просто не хотелось отвечать на этот

звонок, отвернуться на другую сторону кровати и постараться заново уснуть. Но я не мог, это был номер моего брата. Почему он мне звонит – я не имел ни малейшей мысли. Мы давно с ним не общались, даже не смотрели на друг друга, только проходили мимо, касаясь плечами, дабы посильнее толкнуть. Когда я ответил, то не услышал брата. И женский, довольно милый голос со мной поздоровался.

– Эм... доброе утро, – сказала мне девушка.

– Очень надеюсь, что оно доброе, – сонно проговорил я. – Кто вы?

– Елизавета. Я девушка твоего брата.

– Очень приятно, Елизавета, – говорю я устало, возможно, даже пытаюсь поскорее покончить с этим диалогом. Но интерес не давал мне завершить его раньше времени.

– Ты ведь Владислав, да? – спрашивает она.

– Да, – говорю я, – он самый.

– Тогда и мне очень приятно. Слушай, я хочу с тобой познакомиться. Твой брат что-то не горит желанием нас знакомить, но мне было бы приятно узнать хоть кого-нибудь из членов его семьи. Ты как, не против?

Я был не прочь познакомиться с ней и попытаться наладить собственные отношения с родным братом. Мне надоели все ссоры, скопившиеся у меня с дорогими мне людьми. Пора было что-то менять и возвращать всё в своё русло, дабы не создавать себе же новых проблем. И это было знаком того, что я ещё не всё потерял. Или почти всё...

– Конечно... Да, я зайду к вам сегодня. Во сколько мне приходиться?

– Желательно вечером. К шести часам. Буду тебе очень рада.

Елизавета продиктовала мне свой полный адрес.

– Спасибо, Лиза. До вечера.

Елизавета вышла из балкона. Когда она закрыла за собой дверь, протягивая отнятый телефон своему парню, на неё обрушился сокрушительный крик:

– Зачем ты это сделала?! – громко спросил её Евгений, повысив тон своего голоса почти до максимума.

– А затем, что ты не хочешь меня ни с кем знакомить, – спокойно ответила она. – А брат у тебя нормальный оказался, жак что сегодня вечером он к нам приходит.

– Ты... Сука! – крикнул Евгений, отвернувшись от Елизаветы и принявшись идти подальше от неё.

Девушку смутила эта фраза, но она никак не постаралась на неё отреагировать, а просто с обиженным лицом пошла в свою комнату и села дальше листать новостную ленту, делая одни и те же движения, ставшие более резкими. Сейчас же ей даже казалось, что её ногти сделают дыру в собственном планшете.

Мне было тяжело встать с постели. Тело не поддавалось моим просьбам, оно продолжало вновь накрываться одеялом от небольшого холода, бродящего по квартире. Донимая се-

бя мыслями о прошедшем времени, что мне уже пора не просто собираться, а быть там, я был вынужден откинуть от себя одеяло и, совершенно нехотя, встать на ноги.

Направляясь в ванную, я понимал, что вновь был только один в этом доме. Включив свет и приблизившись к зеркалу, меня не покидало чувство собственного уродства. Со вчерашнего дня это лицо не было отмыто. Высохшая кровь, тёкшая из ноздрей и добравшаяся до самой шеи, почти не стиралась оттуда. Я стал смывать её тряпкой и покрывать слоями мыла. С кулаков почти падала разорванная кожа. В один момент я совсем устал от этого, хотел лишь ничего не делать. Оставить, как есть. Потому что это никогда не изменится. Я не мог шевелиться, голова звенела, как колокол. Тогда меня тянуло к таблеткам, однако я знал, что со мной станет после их принятия. Я всё больше приобретал очертания трупа.

Когда вся кровь смылась, мне осталось лишь обмотать руки бинтами, скрывая их уродство, и обклеить видневшиеся раны пластырями. Но после них, пластырей, я казался ещё большим уродом, избитым алкоголиком, бомжом, которого всю ночь гоняли палками по дворам. Видя себя, я не хотел себя видеть. И вряд ли кто-то другой был бы рад со мной познакомиться, встретив с таким лицом. Но всё же – вот он я. Меня ничто не могло привести от этого в радостное состояние. Я с большим презрением рассматривал самого себя, ощущая, как по моей роже вновь наносится удар за ударом, как в голову прилетает бита... Щеки обросли щетиной, нос

искривился, глаза покраснели, а вокруг них невозможно было не заметить синяки, будто бы с ними я и появился на свет. Я взял бритву, почти пустой гель и начал хладнокровно убирать волосы с лица, стараясь не зацепиться за кожу. И, завершив, ушёл за своей одеждой.

Однако у меня был ещё один звонок, который я попросту не услышал. Взглянув на экран мобильного, оказалось, что это был Максим, работавший со мной вместе в магазине электроники. Я не появлялся там уже пару дней и был готов не появляться вовсе. Мы не знакомы с Максимом, он никем мне не приходился, кроме как человеком, который только что хотел мне сообщить, что меня могут выкинуть с работы.

– Тебя на рабочем месте не было уже два дня. Я подменял тебя всё это время, а зарплата всё равно тебе придёт... Не подавишься ею?

– Думаю, нет, – ответил я, надевая чёрную футболку.

– Короче, Влад, я так тебе скажу: не придёшь завтра, то я больше прикрывать тебя не стану. У людей, если ты не знал, терпение не резиновое. У всего есть пределы. Так что, надеюсь, ты меня понял.

– Нет. Не понял. И завтра я не приду. И послезавтра...

– Я так понимаю, ты хочешь увольнение? – спросил Максим. – Мне передать это директору?

– Да. Будь так любезен.

– Ну ты, конечно, идиот. Зарплата была бы всего через неделю. Потерпел бы, да ушёл.

– А у меня тоже нет больше терпения. И не тебе меня судить. До свидания.

Эта работа лишь бы усилила мою усталость и ещё больше заставила бы ненавидеть этот мир. В первые дни, когда я только устроился, коллектив мне тут же не пришёлся по вкусу. Все эти люди, давно там работавшие, имеющие свои правила, начали судить меня за, практически, всё. Отчасти я и сам видел свою вину: мой внешний вид не соответствовал норме, я не во всём разбирался, однако мне всего лишь хотелось ко всему привыкнуть. После месяца работы я ощутил стресс, ломавший меня более усердно, чем до этого момента. Меня долго не было за кассой, я приходил поздно, уходил рано и не заботился о том, что кому-то вообще есть до меня дело. А деньги, которые получали все, никого не удовлетворяли. Оправдания мне нет, я именно такой человек и не пытаюсь найти себе предлог, чтобы перед кем-то объясниться. Ведь теперь я знаю, что эти попытки начать жизнь с чистого листа – ложь. Их нет, как и не осталось хоть пары стараний, чтобы всё исправить. Работой я только прикрывался, считая, что она мне поможет. И когда я осознал это, то сразу же ощутил смех сквозь собственные слёзы.

Несмотря на все проблемы, связанные с этой работой, хоть какие-то деньги я всё же получал. В данный момент у меня руках было почти тридцать тысяч, которые я просто не знал, на что потратить. И, взяв одну тысячу, решился уходить из дома, накинув поверх себя куртку.

На улице стало холоднее, чем вчера. Всё становилось темнее, а мрачные тучи почти ушли с горизонта, ведь вместо них появлялось синее небо, заполнявшееся приходом звёзд. Я продвигался через всё те же лужи, после которых мои кроссовки намокали, и вся вода скопилась в носках. Ветер прыгал то в одну, то в другую сторону, и скрыться от него было невозможно. Загорались столбы, пропадали голые деревья, а свет от автомобильных фар становился гораздо ярче, чем до этого момента. Я оказался на небольшом рынке, заполненным разноцветными огнями, где увидел цветочный магазин скромных размеров. Над ним висела горящая фиолетовым оттенком вывеска с красиво смастерённым шрифтом. Открыв дверь и появившись в этом светлом, чуть ли не белоснежном месте, в мой нос со скоростью света влетали ароматные запахи душистых цветов. От взгляда на них мне становилось приятнее жить, но тут же мысли о том, что эти цветы я беру для чужой девушки... а не для своей, заставили меня слегка вздохнуть и подойти к столу.

Девушка, поприветствовавшая меня, предложила мне богатый выбор сорванных растений.

– А вы кому берёте? Маме, бабушке, сестре или девушке?

– Просто девушке. Возможно, подруге.

– Тогда могу предложить вам герберы, орхидеи, лилии..

Есть ещё розы: красные, белые и жёлтые.

– Дайте розы. Жёлтые.

Заплатив, я вышел из магазина с тремя жёлтыми, обвязан-

ными красной ленточкой розами и устремился к дому Елизаветы как можно скорее, чтобы не опоздать. Пройдя через несколько улиц, передо мной уже показался похожий из её описаний дом. И, набрав номер квартиры, мне ответила сама хозяйка:

– Да? Кто это?

– Это Владислав.

– А, конечно! Заходи.

Отворив дверь, я направился к ней в квартиру, предвещая запоминающийся вечер.

ГЛАВА IV. Ужин

«Мужская рана легко появляется и быстро проходит. Наши раны – телесные, и они ничтожны. Раны женщин – раны сердечные, это нескончаемая печаль, переносить которую гораздо горше» – Стивен Прессфилд.

Постучавший в дверь Владислав вынудил Елизавету оставить на некоторое время своего парня. Евгений стоял на кухне и пытался погладить свою девушку за талию, однако та весь вечер готовилась к встрече с его братом, оделась в яркую розовую блузку, распрямила свои локоны и даже слегка накрасилась еле видимой на губах красной помадой; у неё просто не было времени отвлекаться на него. Женя озлобился и с небольшим укором в сторону Елизаветы ушёл на балкон,

открыл пачку сигарет и, положив локти на перила, всё чаще выдыхал из себя дым. А наступившая темнота на улицах города лишь подталкивала его остаться здесь на как можно большее время, чтобы видеть в дали лунный свет и всё, что тот освещает.

Лиза была готова открыть Владиславу дверь, ведь тот уже стоял за ней и только этого и ожидал. Тогда молодая девушка оттянула щеколду и впустила гостя к себе в дом.

– Здравствуй, Владислав, – произнесла она, мило ему улыбаясь.

Владислав стоял к ней спиной и прикрывал за собой входную дверь. Однако через секунду он повернулся к Елизавете и презентовал ей своё лицо. Он ожидал лишь увидеть такое же отвращение, какое видел сам, разглядывая себя в зеркале. Однако Лиза сдержала лишние вопросы насчёт синяков, пластырей и пятен сухой крови, которые Владислав не сумел снести с кожи, и, вежливо попросив у него куртку, она быстро повесила её на крючок. Владислав передал её ароматные жёлтые розы. Елизавета слегка покраснела, не выдавая повышенного внимания на его лице. Он всё же заметил удивление. Почти мимолётное, чтобы его не смущать. Владислав понимал, что девушка увидела в нём совсем не того, кого, скорее всего, ожидала увидеть. И сама же Лиза вдруг вспоминала слова своего парня, гласившего о собственном брате дурные вещи. Которые вдруг она хотела в данный момент воспринять, как за чистую правду.

– Проходи на кухню, я сейчас всё приготовлю и позову Женю, – сказала Елизавета, указывая рукой в сторону кухни и продолжая давить из своих губ ласковую улыбку.

– Хорошо.

Когда Владислав кивнул и ушёл на кухню, дабы сестра за стол и в очередной раз ждать, Елизавета, поставив цветы в наполненную вазу, после сразу же направилась на балкон. Она посмотрела на Женю через стекло на двери. Тот, немного наклонившись, уставился на соседний дом и потягивал эту белую роковую палочку. Он не оборачивался на неё, хоть и чувствовал, что Лиза стоит сзади. Она приоткрыла дверь, чтобы её голос было слышно и, оставшись стоять на своём месте, спросила его тихим голосом:

– Жень, ты... – в нотах её голоса прослеживалась робость, – ты присоединишься?

– Я потом приду. Хочу докурить.

– А долго ты будешь...

– Да, – повернув на неё часть лица, перебил Евгений. – Долго.

Молодая девушка приопустила голову. Она тут же хлопнула дверью и ушла на кухню. Лиза приблизилась к раковине. Включив холодную воду, она помыла лицо. Владислав заметил, как она пыталась скрыть наступающие слёзы под водой. В этот момент ему словно передались всё её эмоции, которые так сильно нахлынули на Елизавету. Он не стал молчать.

– С ним не просто, верно?.. – спросил её Владислав.

Елизавета только сейчас осознала, что он всё это время сидел здесь. Ей пришлось мигом схватиться за полотенце и вновь изображать из себя милую особу, как ни в чём ни бывало себя ведущую.

– Да, знаешь... Ты прав. С ним мне немного тяжело.

– Это был риторический вопрос, – ответил Владислав. – Я понимаю тебя.

Девушка покивала и взяла стеклянные тарелки с двумя вилками, положив их на стол вместе с наготовленной пищей. Она наложила Владиславу салат и пожаренную картошку, набросав туда же куриных ножек. Владислав специально ничего не ел у себя дома, чтобы как следует насладиться ужином в гостях. Однако его постоянно отвлекала на себя Елизавета, смотрящая в сторону собственного балкона. Её взгляд замер на одном месте и не двигался. Словно окаменел.

– Очень вкусно, – сказал Владислав, проглатывая кусок картошки и закусывая мясом курицы.

Елизавета ничего не ответила и так и не убрала глаза от того самого балкона. Владислав пытался разговорить её, но больше всего он желал попросту уйти отсюда и не наблюдать за страданиями бедной девушки. Не думать, что будет в чём-то виноват. Он бегло рассмотрел девушку и сразу же понял все её мысли и переживания. Для него это было чем-то обыденным, ведь людей чаще всего легче прочесть, когда они чем-то взволнованны и молчат. Так в твоей голове ри-

суется полный портрет человека.

– Ты хорошо готовишь, – вновь попытался он привлечь её внимание. Но Елизавета и не дёрнулась на его слова.

Хоть он и понимал её беспокойство за Женю, ведь он, как никто другой, знал своего брата, однако ему начинало всё это постепенно надоедать, в особенности данное игнорирование со стороны Елизаветы. Владислав, в попытке достучаться до неё, сказал прямо и в последний раз:

– Он всегда был таким.

Она повернулась на него.

– Что? Ой, Господи... – Елизавета приложила ладонь к голове. – Извини меня. Будто улетела в мыслях, – улыбнулась она.

– Не стоит тебе так переживать, – сказал он, не поднимая глаз на девушку.

– Ты о чём? – спросила она.

– О ком. Я про него говорю. Может быть, с моей стороны это будет лишним, но я попытаюсь открыть тебе на него глаза. Прими это, хорошо? Иногда бывает полезным узнать о ком-то из чужих слов.

Елизавет предпочла послушать его.

– Ему ничем не угодить. Будто он таким родился и это какой-то встроенный в его тело ген. Потому что он никогда не менялся. Говорил, что даже не верит в это. И тебе, скорее всего, тоже так говорил...

– Да. Говорил.

– Его только волнует он сам и те, кто должен быть рядом с ним и чесать ему нос... Он таков. Но люди редко выбирают, какими им становиться. Женя хоть и кажется плохим, но... Я знаю, что он не такой. Просто иногда он заглядывает в тихий омут. Ты часто смотришь на балкон и задумываешься над тем, почему он так себя ведёт. Это ненужные мысли. Откинь их. Лучше думай не о нём, а вас в целом. Так будет больше шансов во всём разобраться.

Однако Владислав осознал, что эти слова могут засесть в голове этой девушки и подобное резко изменит все их отношения с братом. Он запнулся и замолк. А затем произнёс:

– Прости. Я... я не должен был говорить этого.

– Да что ты, всё хорошо, – слегка махнув рукой, ответила Елизавета. – Ты прав, Владислав. Я думала о нём почти также, но... Но пока не нашла подтверждения. Знаешь, даже отлично, что ты мне об этом сказал. Так я хотя бы теперь лучше его понимаю...

Владислав предпочёл больше не отвлекаться на разговоры о своём брате. Елизавета наложила себе салат и маленькими кусочками закладывала в рот.

– Ну, расскажи о себе, Владислав, – вдруг произнесла она. – Чем ты занимаешься?

– Ничем. Извини, но я редко говорю о своих увлечениях. Их просто не существует.

– Оу... Поняла. Хорошо. Тогда, может, у тебя есть работа?

– Была.

– А кем ты работал?

– Стоял на кассе и подсказывал людям, что поможет им сэкономить на покупке нового железа.

– Какого железа?

– Компьютерного.

– А, так ты программист?

– Нет. Продавец. Я в этом слабо разбираюсь. Мне просто нужны были деньги и повод... отвлечься.

– А на сколько ты старше Жени?

– На год.

– То есть, тебе двадцать лет? Ты выглядишь старше. Знаешь, если на вас посмотреть, то и не скажешь, что вы братья...

– Всё верно. Нам это в детстве многие говорили. Я всегда хотел отличаться от него, поэтому носил другую одежду, занимался совершенно иными хобби и имел совершенно иных друзей. Он пошёл в отца характером, а внешностью в маму. Со мной та же история, только наоборот. Потому нас и трудно назвать братьями.

– А почему ты так хотел отличаться?

– Может, потому, что я на самом деле был другим... Понимаешь, брат – это... это не просто ещё один парень, родившийся с тобой на пару, делящий с тобой место в квартире, доносящий за тобой одежду. Брат – это крепкие отношения. Это даже не дружба. Если дружба происходит случайно, то у братьев она вынужденная. Но не в нашем случае. У нас

с ним не простые отношения. Ещё с детства.

– Да... я заметила. Может, тебе ещё наложить? Смотрю, ты быстро управился с первой порцией.

Он не отказался. Владислав не желал подробно вдаваться в собственную личную жизнь, чтобы не напугать девушку и не испортить этот вечер. Елизавета начала смотреть только на него. Она рассматривала синяк вокруг его глаза, постепенно заполнивший зрачок красными венами. Она увидела пластырь у него на лбу, куда совсем недавно прилетела бита, а также и на носу, немного опухшем. Его руки были перебинтованы, однако девушка всё равно увидела на пальцах царапины и фиолетовые отметины. Ей показалось, что Владислав занимается в какой-то спортивной секции. Но Владислав и на секунду не походит на простого борца. Он был словно избит какой-то шпаной. Елизавета осознала, что такие увечья может подарить только улица. Только этот город.

– Может, хоть ты мне всё-таки скажешь, почему вы с братом не общаетесь?

Владислав молчал и старался всеми силами сменить эту тему или же вовсе пропустить этот вопрос мимо ушей. Но Елизавета делала так, что ему было никак от этого не отмахнуться. Она пыталась поймать его глаза.

– Это личное, – произнёс он.

– Уж сейчас, когда я вижу вас обоих такими, это не может быть личным, – сказала почти громко Лиза. Даже строго. – Я хочу знать, почему вы так себя ведёте. Он от тебя прячет-

ся, а ты говоришь мне про него такие вещи... Прошу тебя, просто расскажи мне, что случилось?

– Ссора, – ответил он. – Случилась ссора.

– А мириться вы не пробовали?

Владислав чуть не рассмеялся.

– Вижу, ты и вправду не до конца его знаешь. Просить прощения – значит показывать свою слабость в конфликте, значит уже дать власть другому. Мне же не за что перед ним извиняться.

– То есть, ты хочешь сказать, что так и будет, я правильно поняла? Брат не разговаривает с братом, брат ненавидит брата, брат остерегается брата...

– Возможно, я бы извинился перед ним. Но от меня в таком случае будет мало что зависеть. Его хреновый характер предпочтёт послать меня в далёкие края и продолжить ссору и дальше. Он слишком обидчивый человек. И я не помню, чтобы помериться с ним было хоть раз в жизни легко.

– Да, я знаю. Но всё-таки... Может, тебе хотя бы стоит попробовать? Ты ведь старший.

– То, что я старше, не делает меня отцом в его глазах и почти не даёт какого-то над ним контроля. Я не смогу на него повлиять. Даже если встану на колени, он вряд ли меня просит. Оно мне и не нужно.

– Знаешь, Владислав, – сказала она резко, – я не отстану от вас обоих, пока не увижу, как вы помирились. И точка. Ваша ссора влияет на других. И на меня в том числе. Я уже

устала от него, он только и делает, что ходит на балкон и курит. А когда ты пришёл, он там словно решил поселиться! Мне неприятно...

– Мне тоже, – сказал Владислав.

– А теперь расскажи мне причину. И, пожалуйста, ничего не таи. Возможно, нам это поможет разобраться вместе. Что думаешь?

Владислав знал, что после этой истории Елизавета может не просто серьёзно поговорить со своим парнем, но и вовсе разорвать все их отношения. Но он и без того понимал, что сейчас может произойти. Владислав помнил тот месяц бесконечной страсти и горького ощущения витающей над ним разлуки с той, кого он любит и сейчас. И как он не смог изменить самому себе в глазах погибшей.

Владислав отложил от себя вилку, сложил пальцы на столе и сказал Елизавете:

– Ты хорошая девушка. И я очень рад за моего брата, что у него есть такая, как ты. Мне нравится думать о его счастье, ведь, даже несмотря на нашу ссору, я понимаю, что он мой брат и по-прежнему стараюсь поговорить с ним. Я никогда бы не подумал, что скажу это, – Владислав опустил глаза и посмотрел на стол, потерявшись в своих воспоминаниях, – но я завидую ему. Пускай для него эта зависть будет тем, что он должен ценить.

– Мне очень приятно это слышать, – сказала Елизавета, слегка улыбнувшись.

Стоявший за стеной Женя присел на корточки и подслушивал их разговор как можно внимательнее, прилипнув ухом к обоям.

Владислав соврал ей об истинной причине конфликта, со-слав всё на свой гнев, вырвавшийся на родного брата из-за какого-то пустяка. Он всегда называл себя за это ублюдком, ругал в собственной голове за каждую, хоть малейшую ложь. Но глубоко в душе понимая, что только она может хоть что-нибудь спасти. Ведь правда рушит не только отношения, но и самих людей и навсегда остаётся как страшное воспоминание о реальном. К счастью для него Елизавета поверила в это и почти отстала от данного вопроса. Она даже стала улыбаться ещё больше обычного и решила не молчать с Владиславом, разговаривая с ним, сменяя тему за темой. Но только братья знали, в чём была скрыта настоящая причина.

«20 МАЯ 2016 ГОДА»

По туманной улице города, где после дождливой погоды остались лужи на каждом шагу, не спеша проходил Владислав. Ему некуда спешить, потому что некуда даже идти. Он ступает мимо домов, пряча руки в карманах, разглядывая свои ноги над сломанным асфальтом и лишь изредка поворачиваясь в стороны, туда, где стояли магазины, где шли люди, не обращая на него излишнего внимания. Он идёт вдоль тротуара, рядом, на дороге несутся машины, которые едут

слишком быстро, чтобы разглядеть их марки и узнать модель. Владислав остановился возле магазинчика. Что он делал в этот вечер – ему было неизвестно. Он попросту захотел побродить по родному городу, поискать глазами знакомые места, уединиться здесь, посидеть и подумать. Но над чем? Владислав тосковал изо дня в день. И как бы он не старался оставить ту, что мучает его уже много времени, но прошлое всегда брало над ним верх.

Он присел на деревянную скамейку с только что купленной бутылкой пива. Владислав открыл её и сделал пару глотков. Напиток оказался холодным и в такой душный день был для него как нельзя кстати. Туман по-прежнему окутывал город, Владислав уже не замечал горящих светофоров на пешеходных переходах, а светящиеся названия магазинов медленно пропадали у него из виду. Он словно навсегда растворился среди всего живого в этом самом тумане, сидя на этой скамье и глотая пиво. Но так ему было хорошо. Так он думал, что одиночество даст ему шанс всё обдумать, прийти к какому-то заключению и сделать вывод: карабкаться ли вверх или навсегда опуститься вниз.

Владислав наслаждался тишиной, думая о своём, о чём-то, что никому не скажет. Дарья умерла уже больше полутора года назад, но ему так и не удалось с этим смириться. Возможно, любой другой на его месте человек рано или поздно забудет об этом и он, если и не начнёт жизнь с чистого листа, то точно продолжит её, разыскивая радость даже в печали,

а в горсть будет стараться не пасть духом. Но Владислав вёл себя совершенно иначе. Делая некоторые попытки, они рушились для него моментально. Он уже упал настолько низко, что никакой спасатель из этой ямы его не достанет. Ведь, если он сам не хочет себя доставать, то кто тогда сможет достать его самого?

Содержимое бутылки становилось всё меньше и, когда Владислав заметил это, он загорелся желанием приобрести ещё одну. Ровно неделю назад ему исполнилось двадцать лет. Этот праздник для него ничего не значил, кроме того, что, чем он старше, тем больше становился слабее. Ему не хотелось отмечать свой день рождения, Владислав всего-навсего покинул дом в тот день и побрёл по окраинам города. Не успев он даже выкинуть пустую бутылку в близ стоящее мусорное ведро, к нему присела девушка. Она была слегка взволнована, но не из-за Владислава, а, скорее, из-за личных проблем. Девушка зачем-то вытащила за своими багровыми волосами с ушей серёжки, на вид стоящие довольно прилично. Она раскрыла свою сумку и бросила их прямо в самое её дно. Слегка вздохнув, эта дама засунула руку в карман своей чёрной кожаной куртки и достала тонкие сигареты. Закурив около Владислава, тот только и хотел встать со скамейки и побыстрее отсюда удалиться, ведь он совсем не переносил запах табака. Но что-то тормозило его, останавливало на том же месте. Курящая девушка сложила ногу на ногу и выпустила ком дыма губами, покрашенных бордовой пома-

дой. Когда запах долетел до его носа, он старался всё меньше обращать на неё внимания, отмахивая от себя лёгкий дымок. А затем девушка поняла, что кому-то мешает своим присутствием, и, подметив движения Владислава, она обернулась на него со словами:

– Не куришь, да? Прости, я просто не могла уже терпеть, – сказала ему девушка с сигаретой между двумя пальцами.

– Терпеть вредно, – монотонно ответил ей Владислав.

Девушка с короткими багровыми волосами привлекла его внимание на себя. Она показалась ему очень сексуальной, чем-то даже роковой. Её распахнутая куртка, что не дотягивает даже до живота, белая майка с видным вырезом для груди и постоянные кольца ядовитого дыма изо рта не могли сделать так, чтобы он хоть на секунду отвёл от неё свои глаза. Но он всё равно собирался уйти, поэтому, встав и кинув бутылку в ведро, Владислав вновь положил руки в карманы и сделал шаг вперёд, надеясь добраться до дома и не вспоминать об этой даме. Однако через пару метров она оказалась идущей рядом с ним, прямо возле левого плеча. Владислав заметил её, девушка немного улыбалась ему, продолжая курить.

– Что-то быстро ты ушёл, – заметила она, когда они оба прошли через дорогу.

– Не хотел мешать, – ответил ей Владислав.

– Это я боялась помешать тебе. А ты всегда ходишь такой расстроенный? – спросила она.

– Привычка, – произнёс он ей в ответ.

– То есть, привычка ходить вялым, пока к тебе пытается подкатить девушка?

– Немного иначе. Но твоя догадка почти верна.

– А можно узнать, как тебя зовут? – спросила она, когда они незаметно для обоих оказались в каком-то дворе.

– Владислав.

– Юля, – протянув руку, произнесла девушка.

Разговор с Юлией длился около часа, когда Владислав начал осознавать, что эта девушка нравится ему. Они разгуливали по местным достопримечательностям, заходя всё дальше в начинавший ускользать от них туман. Словно дым от сигареты, туман рассеивался. Пропадал всё дальше, и тогда улицы распахивались перед ними. Юлия рассказала ему:

– Меня парень бросил.

– А серёжки эти его были? – спросил Владислав.

– Да... – немного удивилась девушка и усмехнулась. – Даже не заметила, как сняла их. Знаешь, он был такой сволючю. Я бы всё отдала, чтобы ему отомстить за такое унижение. Унизил, прикинь? Выставил перед всеми шлюхой и сказал, что я такая и есть.

– А какая ты есть? – вновь задал ей вопрос Владислав.

– Я простой человек. Но такого отношения, наверное, мало кто сможет перенести. Мне, порой, очень хочется, чтобы нашёлся кто-то, действительно, любящий тебя. Может, даже... не отпускающий, что ли... Чтобы всегда был рядом,

вот я о чём. А чего ты хочешь?

Он хотел её.

Юлия включила свет, не переставая целовать Владислава. Она бросила все свои вещи на ковёр и по-прежнему желала его, как и Владислав не мог отцепиться от её губ. Он бросил тело этой девушки на постель, снял с себя футболку и вновь прикоснулся к её губам. Юлия раздела себя и была полностью обнажённой, и Владислав не удержал свою страсть, чтобы не прикасаться к этому сексуальному телу. Он дотрагивался до её груди, ласкал её шею, щипал за ноги и гладил румяные щеки. Он смотрел на её татуировки, которых из раза в раз появлялось перед ним всё больше. И тогда его ничто не могло остановить.

Неприятный запах табака и скользкий пот по всему телу Владислав воспринимал, как конец сегодняшнего вечера. Юлия, прислонившаяся к стене спиной, курила новую сигарету. Она позволила Владиславу трогать себя, сколько тому угодно. Тот, однако, попросту рассматривал значение рисунков на её теле. На предплечье был изображён пульс, где-то у шеи красились ноты, а под правой грудью виднелся дракон. У неё даже был пирсинг на носу, но небольшой, практически незаметный. Владислав смотрел на её кожу бледноватого цвета, очень приятную на ощупь. Когда Юлия докурила, он спросил её:

– Мечь удалась?

На что она, усмехнувшись и почти даже рассмеявшись,

ответила:

– Ещё как, Владик. А ты хорошо справился, – после чего она стукнула ему по плечу.

Владислав чувствовал блаженство, пребывая вместе с ней в её постели. Однако он не видел ничего дальше занятия сексом. Юлия лишь помогла ему расслабиться, собраться с собой и прийти в чувство. Он не жаждал от неё любви. Но любовь приходит сама и, порой, это бывают самые неожиданные моменты.

– Ты здесь одна живёшь? – спросил он.

– Теперь да, – сказала Юля. – Поругалась с родителями, съехала к бабушке... она умерла совсем недавно. Дом переписала на меня. Так вот и живу здесь уже год... Одна, – с некой печалью закончила она и взяла его руку, мягко сжав ладонь.

Юля не хотела его отпускать. Она приложила его ладонь к своей щеке и поцеловала. Он почти не обратил на это внимания. А после спрятал от неё свою руку.

Через пару пролетевших месяцев еженедельных встреч с Юлией Владислав всё больше от неё отдалялся. Она звала его в кафе, предлагала выходить из собственного дома куда-нибудь подальше, чтобы развеяться и просто поговорить. Эти предложения были резкими, прямо во время секса, однако Юлия никогда не была против вновь отдаться Владиславу. После чего тот уходил, не давая с собой даже нормально попрощаться. Он понимал, что именно о нём думает Юля,

однако и она сама представляла себя той, кем когда-то называл её бывший парень. И в один момент время расставило всё по своим местам.

Оставшись у Юлии на одну ночь, она, снова даже не одеваясь, решила поинтересоваться у него в своей постели:

– Ты считаешь меня шлюхой? – её интонация не была столь грозно настроенной к нему. Это был лишь простой вопрос, на который Владислав отвечал не сразу.

– Нет, – ответил он. И больше ничего не добавил.

– А почему я позволяю тебе себя использовать? Ты же... просто трахаешь меня. И всё. Да, мне это нравится. С тобой я... я радуюсь, Владик. Ты кажешься мне очень хорошим парнем...

– Ты меня не знаешь, – сказал он. – В твоём воображении я могу быть кем угодно. Но пора уже начать видеть людей с истинной стороны.

– Я люблю тебя...

– Не надо, – резко перебил её он. – Ты должна была догадаться, что между нами не может быть любви. Никакого рода.

– Почему? Мы ведь уже столько времени вместе?

– Ты говоришь, что радуешься со мной. Но чему ты радуешься? Что кроме секса я тебе ничего не даю? За что меня любить? Если мы и так прекрасно знаем, ради чего наши отношения всё ещё существуют. Я не могу любить тебя, Юля... Не могу. Мне жаль.

Он ушёл этой же ночью и, после, не виделся с ней несколько недель подряд. Она звонила ему всего один раз, но тогда Владислав сбросил трубку, лишь бы больше не думать о ней. Он чувствовал свою вину, что эта девушка была всего лишь частью его удовлетворения, но на её предпочтения ему было совсем плевать. И сколько он не ругал самого себя после этого, но любовь к нему так и не пришла. Он её больше не хотел.

Любить её было сложно только из-за таившейся в его голове памяти. Никого другого Владислав не хотел себе искать и для него далеко неважно, что его жизнь может и вовсе никогда не иметь вторую половинку. С него хватит того, что случилось с прошлой. Он посчитал себя проклятым.

Но полное расставание с Юлией произошло в один обычный день, когда Владислав только вернулся с работы, слегка уставший и обнаруживший в родном доме своего брата и её саму, Юлию. Он понял, что не мог поступить с ними по-другому. Юля смотрела на него и ждала реакции, которая вылилась в два удара по лицу его брата. Он не мог избить эту девушку, как и не мог произнести ей ни единого разъярённого слова. Владислав скрылся и вернулся домой только в тот момент, когда брата там уже не было. Их ссора растянулась и до сегодняшнего дня. Но Владислав вдруг нашёл в себе силы, чтобы попытаться исправить ситуацию с родным братом. Однако он всегда знал, что это будет для него сложно. Сложнее, чем простить себя за каждый допущенный грех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.